

ОДЕССКИЙ ЖАРУЗО

В основу этого рассказа положен подлинный факт. А всю эту историю поведали мне близкие родственники и потомки того самого Павла Бойченко, бывшего обитателя окраины Одессы, которому рассказ посвящен.

Осенью 1906 года в одной из газет Сан-Франциско промелькнула заметка, начинавшаяся так: «Вчера в больнице д-ра Рикардо на улицах Вилледжи скончался 28-летний певец Пауль Бончи (Павел Бойченко), уроженец русского города Одессы...».

Через неделю в одной из Одесских газет появилась статья, заканчивавшаяся словами: «Итак, нет больше нашего земляка Паши Бойченко (Пауль Бончи), трагически умершего в Америке, так и не достигнув славы, которую ему предсказывал великий Карузо».

РАНЕЕ весной 1900 года Россию посетил тогда еще молодой, но уже всемирно известный певец Энрико Карузо. Он пел в Петербурге и Москве, давал концерты в Риге, Киеве и Одессе. Российские газеты восторженно писали о феноменальном голосе и триумфальном успехе молодого итальянца. А одесская газета «Копейка» посвятила гостю целую страницу под жирным заголовком: «Такого мы еще не слышали!».

В то субботнее утро, на следующий день после выступления Карузо в городском театре, к подъезду одесской гостиницы «Пассаж» подошла рослая, пестро одетая женщина лет пятидесяти, за которой следовал молодой, привлекательного вида парень в поношенном клетчатом пиджаке и светлой шляпке-канотье.

— Будьте настолько любезны сказать: у вас тут не проживает иностранный певец господин Карузо? — спросила женщина у швейцара, стоявшего у вертящейся двери гостиницы.

Швейцар погладил ладонью белоснежную бороду и после паузы ответил:

— Никак нет, не проживает. И что это все ищут господин Карузо! Можно подумать, что в Одессе нет хороших певцов. Чем хуже наш Ковалевский? Или Фредолини? С ума все походили от итальянского Карузо!

— Мне по другому делу, — воскликнула женщина, — совсем по другому. По особому!

— Пусть по любому, но Карузо у нас не проживает, мадам!

Пестро одетая женщина и следовавший за ней парень в канотье пошли дальше. С тем же вопросом «не проживает ли у вас господин Карузо?» они обращались к швейцарам гостиниц «Франция», «Большая Московская», «Ришелье», «Лондонская» и всюду получали один и тот же ответ: не проживает! Наконец, гостиница «Бристоль», что на Пушкинской улице.

— Господин Карузо? — переспросил швейцар. — Допустим, проживает. А зачем он вам нужен? Передать букет цветов или коробку халвы? Так я могу вас огорчить, мадам, ему наплевать на ваши цветы и на вашу халву. Он миллионер!

Женщина всплеснула руками:

— Что вы такое говорите, господин швейцар! Я имею к нему серьезное дело: у меня сын! Видите его? У него богатый голос, чтоб я не сошла с этого места!

— Что же вы хотите от господина Карузо?

— Ничего особенного. Я хочу, чтобы он послушал моего Пашку и сказал: это голос или черт знает что?

— А-а, понимаю. Но вам бы лучше обратиться к нашим. Мало их у нас?

— Уже обращались! Одни говорят, что с таким голосом можно заработать миллион, другие — с таким голосом надо продавать мороженое на Большом Фонтане или газеты на Дерибасовской. А я хочу знать правду.

Швейцар быстро взвесил слова настойчивой мамыши и произнес:

— Хорошо, я вам устрою свидание с господином Карузо. Говорю, значит устрою. Вы поняли меня, мадам? Но ваше «спасибо» мне не нужно!

— Я понимаю, что вам нужно, — негромко ответила «мадам» и полезла в свой парчевый измятый ридикюль.

Две серебряные монеты сделали свое дело. Через несколько минут мадам Бойченко, как звали женщину, и ее сын Пашка уже сидели в вестибюле гостиницы «Бристоль» и ждали, когда Карузо спустится вниз, чтобы позавтракать вместе со своим аккомпаниатором Ронелли. Была достигнута договоренность: как только появится на лестнице Карузо, швейцар немедленно сообщит об этом мадам Бойченко и ее сыну.

Ждать пришлось долго, больше часа. Ровно в полдень на широкой нарядной лестнице появились двое: высокий худощавый юноша с плащом на руке и среднего роста коренастый брюнет в сером костюме. Оба держали себя непринужденно, громко переговаривались и весело жестикулировали. У обоих был вид добродушных и счастливых людей. Швейцар многозначительно кивнул ожидавшей женщине, и та дернула за рукав сына:

— Не торопись, мама, сиди, — шепнул молодой человек, — пусть займут столы... Теперь они от нас не уйдут!

Кафе помещалось рядом с вестибюлем. Карузо и его спутник выбрали столик в углу и углубились в карточку блюд. Они деловито и громко обсуждали программу завтрака и весело произносили названия русских блюд. Когда завтрак был заказан, к столику приблизилась мадам Бойченко и ее сын.

— Пардон, месье, — низким голосом произнесла женщина, умоляюще улыбаясь, — я очень извиняюсь, сеньор Карузо...

Карузо недоуменно посмотрел на незнакомку, приподнялся и грациозно поклонился. Он что-то прошептал по-итальянски и беспомощно развел руками: рад, мол, но ничего не понимаю!

Сидевший неподалеку пожилой русский моряк в светлом кителе обратил внимание на эту странную сцену и подошел к столику Карузо. Он поздоровался с итальянцами на их языке и предложил свои услуги в качестве переводчика. Карузо улыбнулся, показав два ряда крупных белых зубов,

и жестом пригласил всех троих присесть. Моряк опустился на стул, а мать и сын продолжали стоять.

— Вы что от него хотите? — спросил моряк, обращаясь к женщине. — Говорите по-русски, я переведу.

— Вот спасибо, господин капитан, — обрадовалась женщина, — дай вам бог здоровья! А то просто беда с этими иностранцами... Я привела господину Карузо своего сына, вот он стоит. Он у меня, понимаете, поет и поет, верьте мне, совсем неплохо. Если бы вы слышали, господин капитан, как он поет!

— Короче: чего вы хотите от него? — спросил моряк.

— Я хочу, передайте ему, чтобы он послушал моего Пашку и честно сказал — у него голос или босяцкий крик? Я хочу знать!

Моряк перевел Карузо слова женщины, тот рассмеялся и с любопытством посмотрел на парня в клетчатом пиджаке. Он пошептал с Ронелли и что-то сказал моряку.

— Синьор артист согласен послушать вашего сына, — сказал моряк, — и предлагает спеть сейчас, тут же.

Женщина широко раскрыла свои темные украинские глаза и изумленно взглянула на сына.

— Ты слышишь, Паша, он хочет, чтобы ты спел тут, на месте. Они какие-то сумасшедшие, эти итальянцы, ей-богу!

Паша Бойченко откинул назад голову, приосанился и кашлянул, как заправский певец:

— Что ж, могу хоть здесь, мне все равно. Что ему спеть?

— Что хочешь, то и пой! Спой «Эх, Одесса, жемчужина у моря» или «На Молдаванке музыка играла».

— С ума ты сошла! Великому певцу петь про Молдаванку! Я знаю, что ему петь, сейчас...

И Паша Бойченко запел. Это была итальянская песня «Вернись в Сорренто». Та самая песня, которую только вчера пел в Городском театре сам Карузо. Голос юноши звучал сочно и сильно, это был первоклассный природный тенор, хотя пел он грубовато и неумело. Временами голос его звенел серебром, переливался и изящно вибрировал на высоких нотах, временами притихал и надрывно рыдал, как это делал сам Карузо.

Закончив песню, Бойченко сразу же запел другую — «Санта Лючия». Эта чудесная, мелодичная песенка была особенно любима Карузо: знаменитый итальянец родился в предместье Неаполя — Санта Лючия и пронес эту песню по всему миру. Дойдя до места, где можно было свободно показать силу и красоту голоса, Паша так вдохновенно и сильно возвысил голос, что, казалось, люстра под потолком задрожала и стекла окон позванивают.

— Перестань так кричать, — шепнула мать сыну, — господин Карузо тоже имеет барабанные перепонки.

(Окончание на 4-й стр.)

ЗНАМЯ КОММУНИЗМА